

сов. молодень. - Рима. - 1990. - 28 июня.

Алла Баянова:

с. 4-5

«...Со мной вся страна говорит по имени-отчеству!»

Ее называют волшебной, неповторимой, лучезарной, блистательной, божественной и чарующей. Ее искусство покоряет сердца всех, кто неравнодушен к старинному романсу, цыганской таборной и эстрадной песне. Во время недавних гастролей в Минске уже в качестве советской гражданки Алла Николаевна БАЯНОВА любезно согласилась дать интервью.

— Алла Николаевна, вы вместе с родителями много лет прожили в Париже. Можно ли вас назвать парижанкой?

— Нет, миленький мой. Парижанкой меня назвать нельзя. Конечно, для меня французская речь секретов не имеет. Читаю больше по-французски, чем по-русски, по-немецки. Но я все равно русская. Всегда была. И буду. В Париже обо мне говорили «вот маленькая русская». В Румынии меня называли «русойка». В Германии, когда я гастролировала, меня называли «де русини даме». Я всюду и всегда оставалась русской. И этим горжусь.

В Париже я, кроме французской школы, училась еще в четверговой школе. В Париже ведь по четвергам дети были свободны. И тогда княгиня Нехлюдова открыла

эту четверговую школу для детей русских эмигрантов, чтобы не забывали родной язык. Преподávalи там Закон Божий, география (только российская), история русская... и так далее. Вот, видишь, это во мне все осталось.

Я выросла в Париже среди русской интеллигенции, которая ушла из Советского Союза. И моя речь — это та речь, как они говорят. Я тоже не согласна с некоторыми словами, которые влиялись в русский язык. В таком богатом, красивом языке вдруг появилось слово «сигарета». При чем тут «сигарета»? Почему? Французское слово «сигарета». Когда всегда все говорили: «Дай папироску». Это как-то иначе совершенно звучит. Или «плавки», что это за «плавки»? Вообще очень много слов, которые меня

огорчают. Но что делать, придется самой так говорить.

Что еще припомнить для вас интересного?..

«Большой московский эрмитаж». Это был самый шикарный ночной ресторан Парижа. Его хозяином был Рыжиков. Тот самый, который в Москве имел такой же ресторан, он повторил его в Париже. Там князья и графы работали официантами. А метрдотель Коля Дименков раньше, кажется, нянчил царевича. Рыжиков любил искусство и приглашал в свою программу самых знаменитых артистов. Там пели Вертинский, цыганский хор с Настей Поляковой и Сашей Макаровым.

— Во всех гастрольных поездках по стране вас «сопровождает» забавная собачонка...

— Я больше всего на свете люблю животных. И саму природу, и животных. Но это дает мне только одну горечь. Абсолютно невозможно им помочь. Я страшно от этого страдаю.

— Я хотела дать благотвори-

на этот огромный дар, который был послан ему судьбой, он не обращал абсолютно никакого внимания. Меня ведь увезли из Кишинева, где я родилась, совсем маленькой девочкой. Это было в 1918 году, когда Бессарабия отошла к Румынии. Отец мой всегда тосковал по Родине, а я очень любила отца. Мы были большими друзьями. Потом долгое время жили в Париже. Там прошли мое детство, юность, там я училась. Нам предложили принять французское подданство, но отец отказался. Мы уехали на Ближний Восток, много гастролировали, могли, наверное, где-нибудь остаться. Но отца всегда тянуло ближе к Родине. Потому и осели в Румынии.

— На ваших концертах всегда много молодежи. Это для вас радостно?

— Да что ты, это просто счастье! Это не те слова, что мне радостно. Мне безумно радостно! Но меня всегда ослепляют прожектора. Поэтому я не могу увидеть всего. Вот когда приносят цветы — это уже видно. А для того, чтобы определить, сколько в зале молодежи, у меня для этого есть специальная лирическая песня, которую я обычно пою молодым.

— Алла Николаевна, на своих концертах вы преподнесите нам уроки духовности, контактности. Как вам это удастся?

— Я хочу сказать, что это совершенно произвольно выходит у меня. Я никогда не думаю о том, что я сейчас скажу. Все происходит само собой. Я долго тосковала по России и по русским людям. Поэтому, когда выхожу на сцену, я вижу этот теплый прием. Вижу, что люди приходят именно ко мне, значит это именно мои друзья, мои родные люди. И у меня такое чувство, как будто они у меня дома. Я с ними делюсь, разговариваю, объясняю кое-что. Это так совершенно произвольно.

— Алла Николаевна, в новый, 1990-й, год вы вступили советской гражданкой. Как вы прочувствовали это событие, что приобрели в России?

— Господи, ты знаешь, что я приобрела? Огромное, сказочно огромное! Со мной теперь вся страна говорит по имени-отчеству! Швейцар, горничные в гостиницах, куда бы я ни пошла, кассирши в магазинах: «Алла Николаевна». Я этого не слышала никогда! Правда, иногда в Бухаресте тоже звонил телефон: «Алла Николаевна». Но тут уже я знала, что это советское посольство посылает продовольственное «подкрепление», потому что мы там буквально пухли с голоду.

А теперь мне так говорит вся страна! И когда я пою, я знаю, что каждое мое слово и каждое мое дыхание — понятно. Это огромное счастье!

О себе я должна сказать, что я очень счастлива, что

наконец-то освободилась от этой тоски по Родине, от этой ностальгии. И с удовольствием в своих песнях вспоминаю эту ностальгию: «Журавли», «Тоска по Родине» — у меня есть много песен, которые звучали тогда, когда мне казалось, что я Родину никогда не увижу. И вдруг такое счастье упало на мою голову, совершенно неожиданно. Я даже не думала еще три года назад, что буду петь в Минске, в таком тысячелетнем городе, как Ярославль, к которому надо подходить с особым уважением, с особым чувством чего-то святого. Он очень обстроился теперь по-модному. Все эти дома «слепые», на мой взгляд. Но все равно я с наслаждением гастролирую в этих русских старинных городах.

— Не было ли боли за то, что вы увидели в Советском Союзе?

— Боль и тоска — да, но это — мое. Понимаете, это уже мое. Я, например, могу осудить, возмутиться, а другому я этого уже не позволю. Я со своей двоюродной сестрой, которая у меня одна-единственная, поссорилась из-за того, что она очень нехорошо говорила о Советском Союзе. И как-то раз сказала о Волге: «Ах, чтобы она там...», не знаю что... И мы с ней разошлись. Я этого не могу перенести. Я люблю Россию. Она сейчас страдает, видно, ей так суждено судьбой. Она очень страдает, но я бережно к этому отношусь. И с большим оптимизмом, с надеждой, что я еще застану хорошие времена, что будут улыбки снова. И все, что необходимо русскому человеку для его души.

— Алла Николаевна, вы как человек творческий мечтаете о чем-то?

— Мечта моя сбылась. Самая заветная. Это гастролировать и петь людям русским, советским. Но есть еще одна мечта. Я вот еще попою, не знаю, правда, сколько, но попою. А потом хочу работать в студии романса и цыганской песни, и эстрадной, конечно. Надеюсь, что найду учеников, которые достойно выйдут на сцену под моим руководством, достойно исполнят достойную вещь. Сумеют показать уважение к своим зрителям, к своей публике. А не делать вид, что публика для них, а не они для публики, — то, что меня корбит и возмущает в молодых. Они выходят на сцену, просто делают одолжение людям, что они там что-то прочирикают. Этого не должно быть. Настоящий артист выходит на сцену с особенным чувством уважения к публике, которая пришла к нему. Надеюсь, что я таких учеников найду.

— Вы очень устаєте после концертов, они ведь длятся более трех часов. Вам не предлагали сократить выступление, «подрезать» концерт?

— Мне говорят: «Несколько сот тысяч выехало

из Союза, одна Баянова въехала!». Но ведь я въехала, чтобы петь. Ты видел сегодня? Я ухожу, а они сидят и не двигаются до тех пор, пока не скажу: «Концерт окончен». Но я не могу отказать такой публике, таким овациям! Ведь это входит в культуру артиста, который должен ценить свою публику и любить ее. А цветы? Это же огромный тонус для артиста. И это дает мне и силы, и желание петь, и звучание. И абсолютно все!

— Алла Николаевна, когда слушал возрожденные вами романсы, все наши проблемы, очереди в магазинах, все уходило на второй план. Оставалась музыка, ваш голос. Может быть, действительно музыка спасет мир?

— Знаешь, с музыкой даже умирать легче. Раньше в старой России солдаты шли на войну и пели удивительные песни. Они у меня звучат в ушах и сейчас. Я их знаю от отца. И они шли совершенно спокойно на смерть. Песня — великая сила. Но я не знаю, спасет ли она мир. Потому что мир слишком далеко зашел. Несчастье мира слишком далеко зашло. И я очень боюсь, что спасти мир она не сможет.

Но хочу надеяться, ведь я оптимистка. И всем молодым душам я желаю счастья. И поменьше забот, которые на их молодые плечи легли сегодня. Но которые, я снова надеюсь, завтра все-таки спадают с этих молодых плеч. И дай Бог вам всего хорошего, счастья. И здоровья. Главное — здоровья.

— Спасибо за беседу.

Ее вел Леонид СВИРИДОВ, г. Минск.

Фото А. ВЛАСОВОЙ (г. Ленинград).